

Хорошевская Юлия Павловна

"LOST AND CAPTIVE BETWEEN TWO WORLDS..." ПРОБЛЕМА ДВОЕМИРИЯ В ПОЭЗИИ АДРИАНА ХЕЙТСА

Статья посвящена проблеме двоемирия в творчестве немецкого поэта Адриана Хейтса, которое рассматривается в контексте литературы начала XXI века. Устанавливаются основные аспекты функционирования мотива двоемирия, как основного в поэзии Хейтса, характер коммуникации между "мирами", соотношение адресанта и адресата анализируемых стихотворений.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/2/53.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (2). С. 139-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

1. Кохтев Н. Н. Реклама: искусство слова: Рекомендации для составителей рекламных текстов. - М.: МГУ, 1997. - 96 с.
2. Назайкин А. Н. Рекламный текст в современных СМИ: Практическое пособие. - М.: Эксмо, 2007 - 352 с.
3. Шатин Ю. В. Построение рекламных текстов. - М.: Бератор-Пресс, 2002. - 128 с.

«LOST AND CAPTIVE BETWEEN TWO WORLDS...»
ПРОБЛЕМА ДВОЕМИРИЯ В ПОЭЗИИ АДРИАНА ХЕЙТСА

Хорошевская Ю. П.
Южный федеральный университет (РГУ)

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Куриловым В. В. и к.ф.н., доц. Джумайло О. А.

Статья посвящена проблеме двоемирия в творчестве немецкого поэта Адриана Хейтса, которое рассматривается в контексте литературы начала XXI века. Устанавливаются основные аспекты функционирования мотива двоемирия, как основного в поэзии Хейтса, характер коммуникации между «мирами», соотношение адресанта и адресата анализируемых стихотворений.

Современная литература в определенной мере отражает и воспроизводит мировоззренческую и эстетическую системы эпохи «Fin de siècle», что дает возможность говорить о перевоплощении ее образов и мотивов, о переосмыслении ее художественного наследия.

В эпоху восприятия реальности как неупорядоченности, абсурда и хаоса, бессистемной цепи фрагментов и нежелания признавать за этим хаосом какого-либо смысла, художники создают «воображаемые миры» в попытках постигнуть свое место и судьбу в тотальной неопределенности окружающего мира. «Постмодернистская мысль пришла к заключению, что все, принимаемое за действительность, на самом деле есть не что иное, как представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель, и смена которой ведет к кардинальному изменению самого представления» [Ильин 1996: 230].

Одной из перевоплощенных и переосмысленных в условиях нынешнего «Fin de siècle» идей является идея **двоемирия**. Суть ее сводится к признанию «наличия» двух реальностей, так или иначе связанных между собой. Принцип двоемирия был одним из главных в романтизме, когда автор посягнул на роль бога и объявил себя создателем параллельных миров, когда основным противопоставлением было противопоставление Идеала и Действительности, причем действительность занимала весьма скромное место в иерархии ценностей. У различных авторов эта общая смысловая конструкция приобретала самые разные воплощения: два мира представлялись как соотношение «внешнего» и «внутреннего», «земного» и «небесного», «близкого» и «далекого». Особенность воплощения мотива двоемирия в литературе XXI века заключается в размежевании двух уровней человеческого существования - физического и психического. Это уже не романтический конфликт «бредика» и «бытика», но особое понимание бытия - отделение реальности, в которой живет наше тело, от «запредельных миров», в которых обитает сознание. Коммуникация между мирами в таком случае возможна лишь при необходимом изменении авторского сознания. В результате этого появляется мотив безумия как единственная возможность общения с миром как «внешним», так и «внутренним», разрушения границы между ними. Истинная реальность в таком случае становится субъективной, так как художник объективирует собственную ментальность, а основной акцент сделан на ее иррациональных проявлениях. Автор словно балансирует в пустоте физического мира, не чувствуя твердой почвы под ногами, периодически уходя в страну своей фантазии, в другой, такой же реальный (а иногда и более чем) для него мир уединенного измененного сознания.

Примером отмеченного переосмысления принципа двоемирия может послужить творчество современного немецкого поэта, пишущего на английском языке, Адриана Хейтса. Его поэзия в целом глубоко меланхолична, для нее характерно острое столкновение между чувством обреченности человека в мире абсурда и страстным желанием жить. Это поэзия вопросов и догадок, но никак не ответов и решений. Мотив двоемирия, как предмет исследования данной работы, возникает в стихотворениях уже первого, откровенно аллюзийного (явны отсылки к Ш. Бодлеру, Г. Траклю, А. Камю) сборника и проходит главной линией через все творчество Хейтса, претерпевая лишь незначительные изменения.

В рамках данной работы, в качестве материала исследования представлены стихотворения «War on a meadow», «Never!Land» и «Borderland», где наиболее ясно отражены различные аспекты мотива двоемирия в творчестве Хейтса. Стихотворение «War on a meadow» входит в состав первого сборника «Cholymelan» (1993). Прочитываем его полностью, поскольку переводов на русский язык пока не сделано:

Ancient sights to slave his longings
Lost and captive between two worlds
Have you seen this place before?
Have you seen my fields of joy?

But within his eyes the beauty fading
Sacrificed my life of lies
Torn apart to fade in cries

Hiding in the conflict of confusion
To quiver gently, torn apart inside
But facing sights that my lies can't hide

Defaced by war to ruin my shelter
But still my memories cannot dissolve
But still I'm drowning deep inside
And all my hoping seems in vain

Have you seen this place before?
Have you seen my fields of joy?
Have you seen me sink into despair? [Hates 1993: 6].

Фантазия Хейтса рисует странный мир: темный, полуразрушенный, в котором все устремления человека тщетны, где высокие идеалы приносятся на алтарь лжи, где единственное чувство, испытываемое лирическим героем, - чувство отчаяния. Возникает настойчивая аллюзия «сумеречного мира» Тракли - все так же мрачно и тщетно. Но здесь сквозь мглу отчаяния и безысходности проскальзывают утасаживающие воспоминания о другом мире, почему-то вызывающем странные ассоциации с мифическими полями блаженных - «fields of joy». Неясен адресат произведения: является им конкретная личность или человечество. Скорее им выступает и то и другое. Следует признать, что для многих авторов «первой» и «второй» эпохи «Fin de siecle» характерна саморефлексия. Но вернее было бы сказать, что они «выращивают» своего фантомного двойника, который и является адресатом их произведений. Обращаясь к аморфному «ты», Хейтс на самом деле разговаривает с самим собой (возникает фантомный двойник как эффект уединенного измененного авторского сознания). Поэт предпочитает оставаться в одиночестве, чтобы побыть действительно «вдвоем». Читатель сталкивается с текстом, где описываются предельно субъективные переживания, результат авторской коммуникации поэта, и осознает, что он - как другое «я» - не нужен в данном эстетическом дискурсе.

«War on a meadow» представляет интерес для дальнейшего исследования также тем, что здесь делается акцент на характере взаимоотношения двух уровней бытия автора, утверждается основная интерпретация мотива двоемирия в поэзии Хейтса: «там» гораздо лучше, чем «здесь». Но «там» безвозвратно потеряно и приходит к лирическому герою в виде обрывочных воспоминаний, бессвязных символов, неясных пугающих снов. Постепенно герою становится все сложнее отличать сон реальности от реальности сна, что настойчиво акцентируется и в других стихотворениях («What true and what false is in your life, / What dream or what reality is in your sleep»).

Следующее стихотворение, которому, как нам кажется, следует уделить внимание, это «Never!Land» из сборника «Psycho?» (1998).

Wildest creatures sliver dreams
Which phantasy gave birth to once.
A fairy-tale to make me shiver
A unicorn at rainbow's end.

To wear the willow for mankind
Embodied in these eyes of glass
This diagnosis kills the cause
Swallow now antitoxin.

O' can't you see my little Never!Land?
My little rage, you took my Never!Land!

Play black and white keys
And write a book to understand...
Search for a flower in ice
Do not tranceform into a slave of lies.

Accumulation of mankind
How stupid must we be to...Disagree to this!
And now you know I'm doubting
Everything you offer me in this demented world [Hates 1998: 18].

Текст вновь состоит из намеков, незаконченных предложений, как будто случайно собранных и объединенных по авторской прихоти в одну структуру. Здесь Хейтс продолжает вести диалог «себя-иномирца» с «собой-человеком», но лихорадочное переплетение фраз: обвинений, настойчивых советов, произносимых участниками «моно-диалога» мимо друг друга - создает ощущение безумной фантазмагии, которое только усиливается: «This diagnosis kills the cause / Swallow now antitoxin». Человеческая обыденная жизнь предстает «внемирному» наблюдателю как таинство вне всяких смыслов, как одновременность загадочных, порой фантастических и жутких, но в любом случае завораживающих обрядов.

Примечательно, что в «Never!Land» начинает изменяться характер взаимоотношения «собеседников».

Если прежде это был диалог обвинителя с обвиняемым (причем функции постоянно менялись), то сейчас «человек» предлагает «пришельцу» не просто войти и принять чужой для него «сумеречный мир», но отдает ему этот мир во владение: «Everything you offer me in this demented world». Если мир людей, мир реальный - сумасшедший, то что же истинно? Реальность снов? Обрывочные воспоминания, тесно переплетенные с образами волшебных сказок? Или, может быть, мифические «fields of joy», не менее мифическая «Never!Land», в самом названии которой делается акцент на «несуществование»?

Ответом на данный вопрос может стать «Borderland», стихотворение, не вошедшее ни в один из сборников, но написанное в период между созданием первого и второго текстов - в 1995 году.

...Motionless I stare in emptiness
As bodies fall and disappear in darkness
Of my borderland.
Is this fake, or is this real?
Am I sick, or am I cured?

«Borderland» переводится как «пограничная земля, граница», но в психиатрии - это слово используется как термин, обозначающий «пограничное состояние» человеческого сознания. Нельзя утверждать, что мы имеем дело с классическим (по шкале М. Нордау) психопатом, культивирующим и эстетизирующим свою ущербность, но, как бы там ни было на самом деле, Хейтс упорно стремится к тому, чтобы его таковым считали. Поэтому и коммуникация между «здесь» и «там» у него возможна, как уже отмечалось выше, только в условиях «пограничного состояния», потому «человек» и предлагает «пришельцу» принять противоядие прежде, чем он войдет в реальный мир.

...Implanted anger rising
A decay within my dreams (...)
So what can we do ...
With my possessive senses?
With my borderland?

Но реальность словно бы не заботит Хейтса или, может быть, она скучна, неинтересна ему как поэту. Несмотря на поражающее его «decay» (тление), мир снов, «Never!Land», для Адриана милее мира человеческого с его сумерками, безысходностью, ложью и всепоглощающей бессмысленностью. Реальность навсегда останется для него не более чем сумасшедшим миром, не имеющим ничего общего с обрывочными, но такими милыми воспоминаниями о «fields of joy». И дело здесь даже не в предполагаемой несовместимости личных понятий поэта о призвании человека и навязываемых, приписываемых условностей и требований, а в том, что некоторые чужаками приходят в наш мир. Но Адриан Хейтс - так, во всяком случае, кажется - еще и культивирует, пестует свою чужеродность миру, свою несовместимость и с толпой, ее интересами, нуждами, идеалами, и с реальностью - вне зависимости от того, о чем идет речь. Он творит собственный мир, пусть это и мир его снов, мир его «пограничного состояния», но отказываться от него он не намерен, поскольку зримая грубая реальность искажает гармонию мира, тогда как «Never!Land» всегда совершенна и прекрасна.

Список использованной литературы

1. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. - М., 1996.
2. Hates A. Cholymelan. - Dusseldorf, 1993.
3. Hates A. Psychoma? - Dusseldorf, 1998.

СОВЕСТЬ, МОРАЛЬ, ПРАВСТВЕННОСТЬ ПО-РУССКИ И ПО-ИСПАНСКИ: ВЗГЛЯД ЛИНГВИСТА НА «ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ»

Чагинская Е. А.

Московский государственный лингвистический университет

Статья рекомендована к публикации к.ф.н. Верещагиной А. В. и к.п.н. Ротановой О. Н.

В статье рассматривается одна из неочевидных проблем межкультурной коммуникации, связанная с отличиями в интерпретации универсалий, которые, будучи таковыми, имеют, тем не менее, характерную этнокультурную окраску, требующую освещения в процессе преподавания европейских языков.

Слова «личность», «свобода», «духовность», как и находящиеся в данном случае в центре нашего внимания «совесть», «мораль», «нравственность», выражают ценности, которые часто определяются как общечеловеческие, поэтому у специалистов по межкультурной коммуникации их интерпретация и перевод обычно не вызывают затруднений. Между тем речь идет о ценностях, которые в философии принято относить к категории универсалий субъектного ряда. Что это означает? В очень малой степени - что-то или иное понятие, релевантное для всякого человека (отдельного субъекта), может им интерпретироваться по-своему, наполняться субъективным смыслом. Главным же образом в качестве субъекта выступает устойчивая культурная общность, идущая своим уникальным историческим путём, на котором вырабатываются ценности и закрепляется в традиции то или иное отношение к ним. Некоторые из ценностей, выработанных разными